

Алексей Макушинский

«Жертвы века»

Строки, которые всегда были мне отвратительны. «Наверно, вы не дрогнете, / Сметая человека. / Что ж, мученики догмата, / Вы тоже – жертвы века». Это лейтенант Шмидт в одноименной поэме Пастернака говорит на суде, обращаясь к «царским судьям», к «жандармам и охранникам». Только ли к царским? Все-таки никакого такого «догмата», во имя которого они «сметали» бы человека, у «царских сатрапов» не было, зато у не-царских, как известно, был. Не очень важно даже, что думал, сочиняя эти стихи, сам Пастернак, думал ли он в 26 году, когда самые главные ужасы во имя «догмата», по крайней мере с точки зрения приверженцев оного, или даже «попутчиков» оного, были еще впереди, но крови было пролито уже немало, думал ли он сам о новых *человекосметателях* – хотя ведь с другой стороны не мог не думать, потому что, повторяю, какие уж такие «догматы» были у «царских сатрапов», какие такие, что наверное все-таки грамотнее, «догмы» у охранников и жандармов? «Догматы» и «догмы» были у сатрапов именно новых, у цареубийц и строителей великой утопии. Потому и в настоящей, исторической речи лейтенанта Шмидта на суде, которую Пастернак в других местах пересказывает довольно точно, этих слов нет. Там есть, например, «столб, у которого» («Я знаю, что столб, у которого я встану принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины...»); см. воспоминания сына лейтенанта Шмидта, изданные в 1926 году в Праге, не знаю, переиздававшиеся ли с тех пор), «столб», ради которого Пастернак был вынужден, разрушая ритм, перейти, в одной-единственной строке своего пересказа, с трехстопного ямба на трехстопный же амфибрахий – но никаких «мучеников догмата» и «жертв века» в этой речи вы не найдете. Тем не менее, не так уж и важно, еще раз, что именно, вкладывая эти строки в уста своему лейтенанту, думал сам Пастернак, важно, что они именно так прочитывались и по-прежнему прочитываются – поколения

советских интеллигентов переносили их, о намерениях автора не задумываясь, на новых, конечно же, большевистских жандармов, судей и палачей. «Что ж, мученики догмата, вы тоже – жертвы века...» Жертвы, следовательно, и мученики. Вот, например, Абакумов, любивший *лично* допрашивать («с пристрастием», ясное дело), вот Берия, вот Ягода, и как их еще там, вот те следователи, что с наслаждением давили врагам народа мужские яички своими коваными, до блаженного блеска начищенными, небось, сапогами. Чтоб они дальше, гады, не плодились... Великолепные мученики, отличные жертвы. Перечитайте это место в «Ар-

хипелаге», полюбуйтесь на «мучеников». Ну эти-то ни в какие «догматы», конечно, не верили. А верившие? Дзержинский, что ли, «жертва века»? А ведь искренний, говорят, был фанатик, чистейшей души чудовище. Никакого «века» вообще нет, это фикция, *мифология*. Есть люди и их действия, их поступки. За которые они, как существа свободные, то есть способные к различению добра и зла, к выбору между добром и злом, всегда несут полную, личную, никаким «веком» не снимаемую ответственность. Не снимает ее и ослепление «догматом», опьянение идеологией. В том-то и дело, что преступление всегда остается преступлением, неважно, совершается ли оно из низменных побуждений или из каких-нибудь очередных соображений высшего порядка. Эйхман тоже ведь «искренне верил», что «окончательное решение еврейского вопроса» принесет, наконец, избавление «арийской расе», воплощавшей в его глазах все культурные и моральные «ценности». И между прочим, эсэсовцам в концлагерях рекомендовалось жалеть не тех несчастных, которых они отправляли «в газ» или приканчивали каторжным трудом, а самих себя, столь тяжкое бремя взваливших себе на плечи, вынужденных делать такое трудное, такое, ах, неприятное дело. Грязная, конечно, работенка, чего уж там говорить, а мы ведь люди чувствительные, так любим Баха, но надо, надо, партия велела, придется уж, ничего не поделаешь, во имя великой идеи помучаться, придется – принести себя в жертву. Выпьем, товарищ, выпьем, камерад... Нет, никакие они были не «жертвы», и никакого не «века», а были монстры, палачи и убийцы, и называть их «тоже жертвами» значит оскорблять память жертв настоящих, «миллионов убитых задешево». Среди которых тоже, как известно, были прежние палачи. Которые от этого не перестают быть прежними палачами. Но, конечно, не об них идет речь, когда говорят о «тоже жертвах». Эти «тоже жертвы», пока не становились жертвами просто, шли, зажимая свой собственный страх как рану, по жизни и по трупам уверенно, смотрели гордо, сталинскими соколами, гитлеровскими орлами. А между тем, думать о них как о «тоже жертвах» не лишено было, пожалуй, некоторых удобств и выгод. Душевных выгод и моральных удобств. И мы, значит, жертвы и вы, значит, жертвы. И мы, выходит, мученики, и вы, получается, тоже. Жертвы с жертвами уж как-нибудь, наверное, договорятся, мученики с мучениками найдут, в конце концов, общий язык. Мы вас пожалеем, «жертву»-то как же не пожалеть, пожалейте и вы нас. Некоторых, действительно, пожалели. «Нэ трогайте этого нэбожителя». Не тронули, оставили жить в Переделкино. А сколько было к тому же палачей не палачей, жертв не жертв, но все-таки чуть-чуть палачей и немного жертв одновременно, не совсем согласных, но все же участвовавших в вакханалии, страдавших, а все-таки ставивших свою подпись под коллективным письмом с призывами «беспощадно уничтожить»? А сколько было их в поздние, послесталинские, не столь страшные, но столь же подлые времена? В каком-то смысле даже более подлые, потому что участие в вакханалии уже не оправдывалось прямой угрозой для жизни. При Сталине попробуй не подпиши призыв раздавить троцкистскую гадину,

а вот в травле того же Пастернака при Хрущеве можно было и не участвовать. Для участвовавших в том да в сем, «жертвы века» как будто нарочно были придуманы. Потому что с «жертв» какой спрос? Все «жертвы», все хорошо. И советский начальник, удушающий все живое вокруг, разве он не «жертва»? Его ж таким воспитали. И кагэбэшник, за мной следящий – что он такое? «Продукт системы». А чего ждать от «продукта»? Так складывалась благодушнейшая, чудеснейшая, густобровая атмосфера якобы всепрощения, на самом деле – вседозволенности и всеобщей готовности сделать гадость. Снимая ответственность с «них», снимали ее тем самым и с себя. И «они» жертвы, и «мы» – и в наших страданиях, и в наших подлостях, и в нашем искреннем, кто ж спорит, отвращении к «совку», и в нашей готовности, если уж так надо, выступить на партсобрании или хоть процитировать классиков марксизма-кретинизма в наших, вообще-то благородных, «либеральных», посмотрите, каких либеральных писаньях... «Что ж, мученики догмата, вы тоже – жертвы века». Это страшная формула единения, тот фундамент, на котором могла сойтись, встретиться и договориться с преступной властью запуганная ею, и продавшаяся ей, интеллигенция. Пришло, наконец, время сказать всему этому окончательное «прощай». Которое, похоже, говорю я – и еще человек пятнадцать.